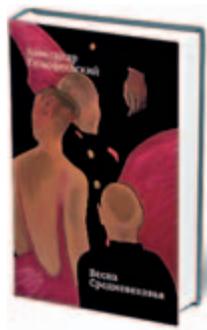

Перемена взгляда

КНИГА АЛЕКСАНДРА ТИМОФЕЕВСКОГО «ВЕСНА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ»

Ольга Федянина

ТЕКСТЫ киноведа и эссеиста Александра Тимофеевского, которые сам автор и редактор-составитель Любовь Аркус объединили в книгу, написаны между 1988 и 2003 годами, в то время, которое сам автор называет пятнадцатилетием свободы. Собранные вместе, эти статьи не столько реконструируют недавнее прошлое, сколько обнаруживают ограниченность сегодняшнего общественно-дискуссионного горизонта, катастрофически сузившегося — как ни грустно, в том числе и в процессе борьбы за будущее этой самой свободы.

Книги, как известно, издаются и покупаются, чтобы их читали. Эту многие купят не для того, чтобы читать, а сразу же для того, чтобы перечитывать. И дело не в том, что перед нами сборник когда-то публиковавшихся статей — в конце концов, техника издательского гесуслинг успешно освоена давно и всеми. Дело в том, что тогдашние читатели текстов Александра Тимофеевского эти тексты помнят.

В памяти живут не столько конкретные статьи (хотя и они тоже — незабываемы разбор фасбиндеровской «Вероники Фосс» или нежно-ядовитое путешествие по Италии, да и многие еще), сколько впечатление, которое они тогда производили. Абсолютно живо удивление от того, как тридцать лет тому назад у нас на глазах появлялась новая оптика журналистики, публичного высказывания на актуальную тему.

Книга начинается цитатами из газетных колонок дневникового характера, продолжается киноведческими текстами, а завершается текстами «на злобу дня». Кажется, автор и издатель так чисто отделили одно от другого специально для того, чтобы еще заметнее стало — налицо смена тем и форматов, но нет перемены взгляда. Это, собственно, и есть новость. Публицистами в конце 80-х становились искусствоведы, литературоведы, киноведы, театроведы, музыковеды: вгиковец Александр Тимофеевский — первый и главный автор этой волны, который показал, что можно смотреть на злобу дня теми же самыми глазами (и думать про нее теми же самыми мозга-

ми), которые только что разглядывали шедевры Висконти, Озу, Эйзенштейна. И наоборот. «<...> брутальная арийская красавица с приземистой фигурой, короткими ногами и несколько тяжеловатым задом — экранное воплощение садово-парковой скульптуры рейховского классицизма».

«Красота <...> изысканна и тяжеловата. За ней замкнутость и горделивость стиля, музейная поэтика эллинизма».

Имена выброшены для наглядности. Первая цитата — про героиню фильма Фассбиндера «Замужество Марии Браун», сыгранную Ханной Шигуллой. Вторая — про хорошо забытую героиню последних дней СССР, народного депутата, предшественницу всех наших Мизулиных и Яровых, Сажи Умалатову. Для обеих автору требуется один и тот же понятийный аппарат, один и тот же словарь. Обе превращаются в драматические типажи двух эпох, в часть сложного исторического и культурного орнамента.

Так Александр Тимофеевский напишет и о Висконти, и о Горбачеве, и о Никите Михалкове, и о путче 1991 года, и о Кире Муратовой, и о греческих достопримечательностях. С персонажами и коллизиями в своих текстах автор обращается одинаково независимо от того, идет ли речь о кино, светской тусовке или государственном перевороте. В этом есть та самая свобода, о дальнейшей судьбе которой можно спорить, но которая была головокружительной только в те несколько лет, когда были написаны вошедшие в книгу тексты. До и после все иначе.

Писать о дорогом Леониде Ильиче как о персонаже *theatrum mundi* при его жизни было немислимо. Писать о Виталии Милонове сегодня как о персонаже *theatrum mundi* — пустая трата времени и общее место, он свою персонажность несет на челе, как на подносе, и успешно ею торгует.

Есть у этого авторского взгляда, всех уравнивающего, прикладывающего художественный смысл и гармонический строй как масштаб к общественной жизни и находящего живую актуальность в античной живописи, еще одно свойство, особенно заметное сегодня — и особенно часто раздражающее.

АЛЕКСАНДР ТИМОФЕЕВСКИЙ

Это свойство, которое, пользуясь каким-то совсем уж неактуальным вокабуляром, хочется назвать снисходительностью. Не в том смысле слова, который подразумевает взгляд сверху, а в том, который имеет в виду, что Россия — наше Отечество, смерть неизбежна, а людей, и живых, и литературных, нужно подробно разглядывать и описывать, но при этом все равно жалеть. Тимофеевский — один из самых острымных и опытных полемистов последних десятилетий, но ни в одном из его текстов не проговаривается злость. Он ищет точные формулировки, но никогда не заостряет их до убийственных. Он необычайно остро видит нелепости и слабости своих персонажей, но при этом совсем не стремится быть автором афоризмов, которые можно написать на их могильных плитах. Над упомянутой выше Умалатовой в конце эссе «Лукреция без Тарквиния» хочется разрыдаться — как и над Лимоновым, чьи начинавшиеся идеологические кульбиты в статье «Душа Эдички при переходе в сумерки» не только описаны, но и предсказаны.

Написанные во времена острой полемической злобы, тексты эти сегодня попадают в эпоху тупого всеобъемлющего ожесточения — отзываясь, как когда-то, совсем чужим, непохожим на окружающее звуком. Может быть, как раз в этом их польза и смысл — не только для тех, кто перечитывает, но и для тех, кто читает.

Издательство Книжные мастерские
Мастерская «Сеанс», 2016

ЭТИ СТАТЬИ НЕ СТОЛЬКО
РЕКОНСТРУИРУЮТ НЕДАВНЕЕ
ПРОШЛОЕ, СКОЛЬКО
ОБНАРУЖИВАЮТ
ОГРАНИЧЕННОСТЬ
СЕГОДНЯШНЕГО